

Линь Лан предстал перед императором. Склонившись в глубоком поклоне, он выслушал повеление подняться и сделать несколько шагов вперёд. Юноша беспрекословно повиновался.

Государь ласково посмотрел на него и, протянув руку, улыбнулся:

— Иди сюда, присядь поближе.

Линь Лан слегка растерялся, но перечить воле монарха не смел.

— Благодарю Ваше Величество за великую милость, — тихо произнёс он.

Слуги тут же бесшумно поднесли стул. Поблагодарив их вполголоса, юноша сел.

— Ну расскажи, — кивнул император, — пока ты гостил в Гусу, не забросил ли учение?

— Благодарю за заботу, Ваше Величество, — почтительно ответил Линь Лан. — Учитель каждые три дня присылал мне наставления, да и отец усердно занимался со мной. Так что в науках я ничуть не отстал.

— Помнится, твой наставник — Линъюнь-цзы? — уточнил государь.

— У Вашего Величества поразительная память! — кивнул Линь Лан.

Император лишь весело покачал головой:

— Ещё совсем мал, а туда же — учишься у старых придворцев лести да угодничеству!

Линь Лан изумлённо воззрился на правителя. Он никак не ожидал услышать от великого владыки столь простое, почти фамильярное замечание. Опомившись в то же мгновение, юноша поспешил скрыть замешательство, но государь всё заметил и добродушно рассмеялся:

— Вот так-то лучше! Полно тебе робеть. Я же знаю, что с моим тринадцатым сыном и остальными ты держишься куда свободнее.

Причины столь явного благоволения оставались для Линь Лана загадкой, однако отступать было некуда. Он улыбнулся и решился подыграть:

— Раз Ваше Величество позволяет, то ваш покорный слуга осмелится забыть о чинах?

— Именно, — подтвердил император. — Передо мной тебе незачем притворяться и зажиматься.

Заметив, что государь сменил величественное «Мы» на простое «я», Линь Лан мысленно насторожился, но улыбку с лица не убрал. Тем временем император полюбопытствовал:

— До меня дошли слухи, будто за твоей семьёй по пути в столицу следовала целая стая голубей и несколько охотничьих кречетов. Неужто все ваши?

— Мои, Ваше Величество, — с улыбкой поправил юноша. — Только не семейные, а лично мои.

— Вот как? — удивился тот.

— В детстве я рос ужасным озорником, — рассмеялся Линь Лан. — Обожал возиться с голубями, вот и приручил целую стаю. Позже чиновники в Гусу, зная о моей забаве, раздобыли для меня несколько отличных птиц. Мне они показались такими гордыми и красивыми, что я забрал и их. Вот только отец наотрез отказался тратить на их прокорм хоть медную монету из семейной казны. Пришлось содержать всё это пернатое войско на собственные сбережения.

Император зашелся громовым смехом:

— Надо же! Никогда бы не подумал, что Жухай может быть столь прижимист. Что ж, теперь понятно, что назначение в Министерство финансов пришлось как нельзя кстати!

— И не говорите! — подхватил Линь Лан, и его глаза озорно блеснули. — Только что в зале он буквально хватал меня за руки, запрещая принимать скромные подарки от почтенных министров!

В мягком, певучем говоре юноши проскользнули характерные для жителей Гусу нежные нотки, придав выговору сходство с ребяческим капризом.

Как и предсказывал Линь Жухай, пожилые люди перед обаянием его сына устоять не могли. Император растроганно покачал головой:

— Ох, бедное дитя, уж и обидели тебя, обделили! Ну пойдём, я покажу тебе кое-что.

Поднявшись, государь увлёк Линь Лана за собой. Свита осталась позади, и лишь старый доверенный евнух беззвучно последовал на некотором отдалении.

Когда государь покинул зал, напряжение среди гостей спало, по залу потекли свободные разговоры. Молодые принцы принялись наперебой расспрашивать слуг и старших, что это за дивный юноша удостоился столь высокой чести.

Линь Лан бережно поддерживал пожилого императора под локоть, пока они шли по длинным переходам. По пути он так искусно и забавно рассказывал дорожные небылицы, что государь то и дело разражался весёлым смехом. В конце концов старик вздохнул и с теплотой признался, что отдал бы половину казны, лишь бы иметь такого внука.

Они поднялись на высокую надвратную башню. Евнух остался внизу, у подножия лестницы. Император подвёл Линь Лана к зубчатой стене и указал рукой на раскинувшийся внизу город:

— Погляди-ка. Можешь отсюда разглядеть свой дом?

Юноша вгляделся в сумеречную даль. Перед ним расстилалось море огней. Столица праздновала Праздник фонарей: улицы и переулки были затоплены ярким, живым светом, рассыпались искрами и плыли золотыми точками. В этом сверкающем хаосе отыскать родную усадьбу было невозможно.

— Государь, я не могу его найти, — признался он.

— А я могу, — тихо, с затаённой грустью произнёс император, не сводя с него глаз. — С тех самых пор, как твоя семья покинула столицу, в тех окнах больше не загоралось ни единого огонька.

Линь Лана пронзило странное предчувствие: ему показалось, будто император смотрит вовсе не на него, а на кого-то другого, чьи черты угадывались в его собственном лице. Не успел он обдумать эту догадку, как старик заговорщически подмигнул:

— Не хочешь прогуляться со мной за пределы дворца?

— Сейчас? — опешил юноша. — Но ведь праздничный пир ещё в самом разгаре...

— Пустяки, — отмахнулся государь. — Уйдём потихоньку, а они пусть празднуют. Надоест — сами разойдутся.

Несмотря на то что на город уже опустилась глухая ночь, время было ещё не столь позднее. Не имея возможности перечить воле повелителя Поднебесной, Линь Лан безропотно последовал за ним.

Оказавшись на бурлящих столичных улицах, Линь Лан то и дело осторожно заслонял старика плечом от весёлой, хмельной толпы. Заметив его рвение, император усмехнулся:

— Да не суетись ты так. Оглянись-ка назад.

Обернувшись, Линь Лан заметил в паре шагов позади нескольких плечистых, суровых

мужчин, которые с самым невозмутимым видом приценивались к детским бумажным фонарикам. Юноша невольно улыбнулся.

— Сколько лет прошло, — проворчал император, — а эти оловянные лбы из гвардии так и не научились притворяться обычными горожанами.

— Вы часто совершаете такие прогулки? — полюбопытствовал Линь Лан, но тут же мысленно обругал себя за излишнее любопытство.

Однако государь ничуть не рассердился. Скользя рассеянным взглядом по нарядным лавкам, он просто ответил:

— Прежде — часто. Но когда твоего деда не стало, я почти перестал покидать дворец.

Внутри Линь Лана шевельнулось смутное подозрение. То, как император поминал его деда, никак не вязалось с простой дружеской привязанностью. Пока он предавался размышлениям, старик вдруг шутливо нацепил ему на лицо только что купленную маску. Линь Лан удивленно распахнул глаза под раскрашенным папье-маше, а император весело, во весь голос рассмеялся:

— Вылитый! До чего же похож!

Сняв маску, Линь Лан обнаружил, что держит в руках хитрую лисью морду. Ему оставалось лишь сокрушённо вздохнуть. Расплатившись с торговцем, император увлёк его дальше по оживлённым рядам. Они долго бродили среди праздничного шума, пока наконец не примостились у скромной лавочки, чтобы отведать горячих вонтонов прямо с огня.

Глубокой ночью Линь Лан помог государю благополучно вернуться во дворец и наконец поспешил домой. Он полагал, что этот странный вечер завершится без лишних потрясений, однако едва переступил порог усадьбы, как увидел отца. Линь Жухай сидел в главном зале, и лицо его было мрачнее тучи.

— Что стряслось, отец? — встревожился юноша.

Завидев сына, Линь Жухай тяжело вздохнул, медленно поднялся с кресла и негромко произнёс:

— Ступай за мной.

Линь Лан молча последовал за ним. Они миновали несколько переходов и вышли к глухим воротам, опутанным ржавыми железными цепями. Линь Жухай достал из рукава старый ключ,

со скрежетом отпер замок и шагнул внутрь. Юноша растерялся: он досконально знал план усадьбы, но этого заброшенного двора на картах не значилось.

Забывший всеми уголок поместья предстал перед ним во всей своей печальной запущенности. Линь Лан сгорал от любопытства, однако расспрашивать не решался — по лицу отца было ясно, что сейчас не время для праздных вопросов.

Линь Жухай, напротив, ориентировался здесь без труда. Уверенными движениями он нащупал в темноте масляный светильник, зажёл его и, оглядев пыльные стены, горько вздохнул.

Отец опустился прямо на дощатый пол, поставив тусклую лампу рядом с собой. Линь Лан устроился напротив.

— Ликом ты — вылитый дед, — негромко заговорил Линь Жухай, всматриваясь в черты сына.

Линь Лан открыл было рот, чтобы спросить, но отец жестом остановил его и продолжил:

— Твой дедушка и государь росли бок о бок. С годами детская привязанность переросла в глубокое чувство, однако судьба не сулила им счастья. На плечах отца лежал долг перед родом Линь, а принцу надлежало вступить в жестокую схватку за трон. Им пришлось подчиниться: оба женились, но долгое время не притрагивались к своим супругам. Никто при дворе и помыслить не мог, какая греховная тайна связывала этих двоих. Но когда борьба за престолонаследие достигла своего пика, поползли грязные слухи, будто твой дед — лишь тайная игрушка будущего императора. Чтобы развеять эти домыслы и спасти положение, принц сдался. Он разделил ложе с женщиной, и вскоре на свет появился покойный наследный принц. Твоему деду тоже пришлось уступить долгу — так родился я. Когда государь наконец вззошел на престол, отец забрал меня и уехал обратно в Гусу. Он ушел из жизни, когда мне едва исполнилось тринадцать.

Линь Лан оцепенел. Его смутные подозрения подтвердились самым невероятным образом. Теперь становилось понятно, почему между старшими и младшими сыновьями императора была такая пропасть в возрасте. Но всё же оставались неясности.

Линь Жухай, прекрасно знавший, что его сын обожает почитать вольные городские повести и склонен фантазировать, негромко произнёс:

— Я не ведаю, любил ли император моего отца по-настоящему. Знаю лишь то, что меня он всегда ненавидел. Мечтал, чтобы я сгнил в Гусу и никогда не возвращался в столицу. Но стоило ему увидеть тебя, как его гнев сменился милостью. Он перевёл меня в столицу и пообещал защиту лишь ради твоего лица. Из-за твоего поразительного сходства.

Юноша сидел молча, растерянный и подавленный грузом открывшейся правды. Линь Жухай ласково коснулся его макушки:

— Сердце владыки изменчиво, как ветер. Но пока я жив, я защищу тебя от любых невзгод.

Линь Лан вспомнил те два указа, что некогда привёз им пятый принц Ту И. Один сулил Линь Жухаю повышение и возвращение в столицу в случае успеха их дела, второй же... гарантировал Линь Лану покровительство короны на случай внезапной кончины отца.

На душе у юноши стало невыносимо тяжело.

— Отец, я... — выдавил он.

— Полно, — прервал его Линь Жухай. — Я открыл тебе эту тайну не ради того, чтобы ты нёс это бремя. Просто ты должен понимать истинные причины его милости. Раз уж император желает осыпать тебя благодеяниями — принимай их со спокойным сердцем. Считай это долгом, который он отдаёт твоему деду.

Линь Лан нахмурился. Разум его лихорадочно сопоставлял факты. Всё не могло быть так просто. У матушки Цзя было трое детей. Почему же его собственная мать, Цзя Минь, так долго не могла понести? Если император ненавидел его отца, то едва ли желал, чтобы у рода Линь появилось продолжение.

Заметив, какими мрачными мыслями заволокло лицо сына, Линь Жухай отвесил ему чувствительный щелчок по лбу:

— О чём опять твоя дурная голова размышляет?! Напрасно ты винишь государя в несчастьях матери. То была моя оплошность: когда мы только прибыли в Гусу, я потерял бдительность и позволил негодяям сотворить зло. Император же, напротив, страстно желал твоего появления на свет. Ему ведь нужно с какой-то гордостью явиться пред духом твоего деда, когда придёт его час!

Линь Лан потёр ушибленный лоб и жалобно сморщился:

— Отец, больно же! Нельзя ли полегче?

— Нельзя! — ворчливо отозвался Линь Жухай. — Идём, пора спать. Завтра у тебя встреча с друзьями, забыл?

Юноша с улыбкой поднялся и помог отцу встать:

— Надо же, от твоего взора ничто не укроется. И откуда ты всё знаешь?

Переговариваясь о всяких пустяках, они покинули двор, и тяжёлые цепи вновь сомкнулись на воротах. Линь Лану не нужны были объяснения, чтобы понять: в этих покоях когда-то жил его

дед. Юноша не брался судить ушедших. Каковы бы ни были чувства императора к его предку — один давно покоился в сырой земле, а второй, окружённый бесчисленными потомками и безраздельной властью, томился вечным раскаянием. Отец прав: дела минувших дней должны оставаться в прошлом. Ему оставалось лишь принимать монаршее благоволение, а ночной разговор... лучше поскорее предать забвению.

На следующее утро Линь Лан ещё нежился в постели, когда его бесцеремонно растолкал явившийся спозаранку Ван Шанпинь.

Лениво зевая и покачиваясь на мягких подушках внутри экипажа, юноша недовольно спросил:

— Мы же уговаривались встретиться в полдень. Зачем было будить меня в такую рань?

Ван Шанпинь невозмутимо помахивал веером:

— Как говорится, утренний час дарит лучший настрой на весь день. Вчера на пиру мы условились поехать за город, в усадьбу пятого принца, дабы полюбоваться цветущей сливой. Но тут я вспомнил, что в полдень у нас встреча с тобой. Я порывался сказать тебе ещё вчера, да ты весь вечер не отходил от дяди Линя, а после и вовсе куда-то запропастился. Вот и пришлось мне сегодня брать на себя сей неблагодарный труд и лично вытаскивать тебя из постели.

Линь Лан ловким движением вырвал веер из его пальцев:

— На дворе глухая зима! Прекрати паясничать, у меня от одного твоего вида зубы скачут!

С этими словами он сунул веер обратно приятелю.

Тот с усмешкой спрятал безделушку в рукав:

— Моя вина, совсем позабыл, что ты у нас не выносишь стужи. Прости великодушно.

— Махать веером в мороз — это не изысканное щегольство, а форменное безумие, — отрезал Линь Лан.

У Ван Шанпиня слегка дёрнулся глаз, но возражать он не стал. Линь Лан же со спокойной совестью закрыл глаза, намереваясь вздремнуть.

Когда повозка начала подниматься в гору, дорогу сильно затрясло. Поняв, что уснуть под такой аккомпанемент не удастся, Линь Лан потянулся и спросил спутника, с чего вдруг у них

проснулась тяга к зимним цветам.

Выяснилось, что вчера во время придворного банкета молодые люди вполголоса обсуждали свои обычные развлечения. Их разговор случайно подслушал пятый принц Ту И и строго заметил, что частые визиты в весёлые кварталы пагубно сказываются на благонравии благородных мужей. На это четырнадцатый принц резонно возразил, что в столице зимой и податься-то больше некуда. Тогда Ту И благосклонно предложил им воспользоваться своей загородной усадьбой, где как раз пышно расцвёл сливовый сад. Так и устроилась сегодняшняя поездка.

Выслушав этот рассказ, Линь Лан невольно вспомнил откровения отца о делах минувших дней. В его голове зародились непрощенные мысли. Памятуя о том, как странно вёл себя Ту И во время их недавней встречи в Гусу, он вдруг почувствовал смутную тревогу.

«Неужели... Ту И питает ко мне нежные чувства?»

От этой догадки по спине пробежал холодок. Юноша поспешил тряхнуть головой, отгоняя нелепое предположение.

«Вздор. Быть того не может. Он ко всем относится с одинаковым благородством. Просто вчерашние разговоры совсем лишили меня покоя, вот я и вижу повсюду скрытые смыслы».

Заметив, что приятель снова погрузился в свои думы, Ван Шанпинь лишь снисходительно покачал головой. Он отодвинул плотную суконную занавеску и принялся созерцать умиротворяющий зимний пейзаж за окном.

Прошлой ночью выпал, должно быть, последний в этом году снег, и на улице заметно похолодало. В прежние времена Линь Лан ни за что не покинул бы тёплых покоев в такое ненастье, ведь его хрупкое здоровье не терпело сырости и сквозняков...

<http://bllate.org/book/18219/1759480>